

Владимир ЕЛИСТРАТОВ

НЕОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ РУССКОГО ЯЗЫКА*

Список слов:

*НАРОД, НЕНАВИСТЬ см. ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ,
ОБЩЕСТВО,
ПЕЧАЛЬ, ПЛОТЬ см. ТЕЛО и ПЛОТЬ, ПОДЛОСТЬ, ПРАВДА,
РАДОСТЬ, РОДИНА,
СВОБОДА, СВЯТОЙ, СЕМЬЯ, СМЕРТЬ, СМЕХ*

НАРОД

Пожалуй, любой (ну, почти любой) школьник может разобрать это слово по составу и уверенно сказать, что оно состоит из двух элементов — «на» и «род». И получит пятерку. Операция нехитрая. Но это — только кажущаяся простота.

Корень «род» фиксируется в источниках примерно с XI века, хотя очевидно, что он куда более древний. В древнерусском языке этот корень был многозначным, можно сказать — «многомерным».

Во-первых, слово «род» имеет временное значение. Род «берет начало», «происходит», «длится», иногда, к сожалению, «прекращается». Род — это как бы временная анфилада поколений родственников.

Во-вторых, род — это пространство, где ты родился и живешь. Позднее появится слово «родина».

Владимир Станиславович Елистратов родился в Москве в 1965 году. Окончил филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова в 1987 году. Защитил кандидатскую диссертацию по филологии в 1993 году, докторскую диссертацию по культурологии в 1997-м. Заслуженный профессор МГУ. Преподает риторику, семиотику, историю литературы, современный русский язык, культуру речи, лексикографию. Лауреат премии имени Шувалова I степени. Автор книг «Арго и культура» (1995), «Трактат рго таракана» (1996), «Словарь русского арго» (1994, 2000), «Язык старой Москвы» (1997, 2004), «Словарь крылатых фраз российского кино» (1999, 2010), «Словарь языка Василия Шукшина» (2001), «Толковый словарь русского сленга» (2010), «Нейминг: искусство называть» (2013, совм. с П. А. Пименовым), «Словарь жаргона русского капитализма начала XXI века» (2013) и др. Автор более 700 публикаций. Работы переведены на немецкий, венгерский, болгарский, английский языки. Переводчик, поэт, прозаик, эссеист, публицист. Автор сборника юмористических рассказов «Тю! или рассказы российского туриста» (2008), поэтических сборников «Московский Водолей» (2002), «По эту сторону Стикса» (2005), «Духи мест» (2007). Печатается в журналах «Знамя», «Октябрь», «Нева», «Поляна», «Дружба народов», «Наука и жизнь», «АиФ — путешествия», «Аэрофлот» и др., постоянный автор газеты «Моя семья». Живет в Москве.

* Продолжение. Начало в № 1—3, 2017.

В-третьих, род — это словно бы «знак качества», не случайно от этого корня через несколько веков возникнет слово «порода», «породистый».

В-четвертых, этот корень, выражаясь научным языком, играет роль идентификатора, устанавливает родовую идентичность. Проще говоря: род — это «свой»: семья, племя, племенной союз, народ. Пока еще (1000 лет назад) все эти понятия собраны вместе в «роде», как в гене.

Кстати, «ген» по-гречески — это и есть «род». В современном языке мы оперируем словом «ген», «геном», «генетика». А наши славянские предки, мыслившие мифологически, считали, что «первогеном» рода человеческого был бог Род. Такая вот «мифологическая генетика». А может — «генетическая мифология».

Как уже было сказано, производные от корня «род» возникли позже. Например, слова «родник» или «родовой» — из XVIII века. Когда точно возникло слово «народ», мы не знаем. Но очевидно, что приобретает актуальность оно вместе с формированием государственности. «Народ» становится очень важным, ключевым. И это вполне закономерно.

Приставка «на», соединившись с корнем, выступила «смысловым детонатором». «На» — так же многозначна, как и корень. «На» — это и «наверху» («насыпать»), «больше» («наговорить»), цель («на пользу»), направление («на Москву»). Поэтому «народ» — это нечто «накрывающее сверху», «большое», «целенаправленное», это как бы «целенаправленный род», результат «планомерного нарождения». Ведь и в русских диалектах «(на)род» связан, например, с такими значениями: разрастаться, прибывать (о воде), плодородие, урожай, подняться, выпрямиться, усиление, предок (в виде явившегося духа, привидения), стадо и др.

В целом «народ» — это универсальный образ расширения, роста, углубления, изобилия, преемственности, цели, присутствия, твердости, единства и уравниваемости.

В XVIII веке в русском языке появляется заимствованное слово «нация», а затем — «национальный», «национальность» и др.

Слова «народный» и «национальный» в XIX веке разделили «сферы интересов».

«Национальный» стало преимущественно обозначать «свойственный народу в целом, характеризующий его историю, положение в мире, характер, особенности». Мы говорим «национальный характер», «национальные интересы», «национальная история». Этот корень взяли на вооружение политологи, социологи, историки, экономисты.

«Народный» же — это простонародный, свойственный «простым людям», всеобщее популярный, всем известный («народные забавы», «народный фольклор», «народный артист», «народный автомобиль»). Но «народный» — это еще сокровенный, исконно присущий народу, заветный, задушевный.

Словом, «народный» — очень «народное» слово. Оно сильно и многолико. Советские люди бесстрашно шли в бой под слова песни: «Идет война народная, священная война». И в то же время мы можем в дружеской компании обратиться к окружающим: «Эй, народ!» Каков народ, таково и слово. И наоборот.

НЕНАВИСТЬ см. ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ

ОБЩЕСТВО

Словообразовательная энергия корня «общ» огромна (общий, общаться, община и т. д.). В целом глубинно-онтологически «общ» передает центростремительную идею цельности, единства, объединения, синтеза, взаимодействия, некоего геш-

талта. В древнерусском языке статический, (результативный) и динамический (процессуальный) элементы не различались. «Община» была синонимом «общения». «Общ» («обч») — и процесс и результат, и статика и динамика: но с неизменной центростремительной доминантой. В дальнейшем эта семантическая центростремительная синкретика распалась.

В современном языке слово «общество» передает идею нейтрально констатируемой совокупности людей. Это некий больший или меньший социальный квант с определенным маркером («капиталистическое общество», «интеллигентное общество», «общество киноманов», «дурное общество», «общество Васи»). В целом русский корень семантически мимикрировал под латинский «социо», который, в свою очередь, исконно был близок к «обч», но затем в романских и ряде германских языков утратил исконную центростремительную синкретику. «Социо» («социальный», «социология» и т. д.) — это, если можно так выразиться, идея некоей аналитической регуляции. При этом «социо» имеет ярко выраженную научную (на деле часто — псевдонаучную) окраску, а «общ» живет «обыденной» жизнью. Отсюда довольно странные тавтологии, вроде «социального общества» (у М. Булгакова) или «социалистического общества». Или же прямая дискриминация корня «общ». Например, обществознание — это почему-то не наука, а примитивный школьный преподавательский курс, а вот социология — наука.

Не случайно и идея «общения» словно бы отпочковалась от «общества» и, став модной, приобрела свой латинский научный заменитель — «коммуникацию». Наука об общении получила название «коммуникативистика».

Ситуация с корнем «общ» в современном русском языке близка к катастрофической.

Идея «общения» приобрела в массовом сознании отчетливый рекреативно-развлекательный характер («давай общемся» и проч.), близкий к тусовке.

Все основные компоненты слова «общество», а именно (передадим их через хрестоматийные синонимы): объединение, компания, среда, человечество — постепенно утрачивают свою смысловую энергию.

Общество как объединение распадается на локальные субституты: лига, союз, содружество, альянс, ассоциация, группировка и т. п. Выяснение значений каждого из этих субститутов упирается в бесконечные лингво-юридические процедуры. Происходит обычная для наших дней дисперсия некогда сильных смыслов.

Общество как компания (если это не экономическое «К°») — чисто рекреативное слово (это то же, что, к примеру, «шатия»), ср.: «теплая компания», «компашка».

Общество как среда, можно сказать, было дискредитировано в России в XIX веке демократической литературой и публицистикой («среда заела»). В современной речи «российское общество», «в нашем обществе» и прочие контексты в подавляющем большинстве случаев в СМИ подаются негативно («общество не созрело», оно «нецивилизованное», оно «больно», «коррумпировано» и т. д.).

Человеческое общество в целом как некая планетарная данность и планетарный проект в устах и антиглобалистов, и эсхатологов, и экологов, и «научных» футурологов, и «творцов» массовой апокалиптической поп-продукции — обречено. Образ светлого будущего, счастливого общества будущего в современной культуре (и российской, и западной) не востребован. У общества потребления (еще один «безнадежный» контекст), живущего здесь и сейчас, долгосрочная перспектива не существует.

Корень «общ» отторгается индивидуалистским сознанием. Слово «общественный», «общественность» и др. у многих людей ассоциируется с пустотой, обманом, бездельем, неконкретным содержанием, пустословием. Достаточно вспомнить, как относилось население к идее создания Общественной палаты.

По всей видимости, дискредитация (произвольная или непроизвольная) чисто русского синтетического архетипа «общ»-«обч» проходила в четыре этапа. Сначала в XVIII веке произошла адаптация западного концепта «социо» (из французского после издания «Общественного договора» Руссо, через немецкий язык), начавшего подмену русского концепта «общ».

Затем в XIX — начале XX века трансформация продолжилась. Наиболее ярко это видно на судьбе слова «община», которая подменила слово «мир».

Далее: советский дискурс, активно «педалировавший» «общ» через «общественную деятельность», «общественников» (кстати, в XIX веке слово это означало участника в жизни крестьянской общины) и проч., окончательно дискредитировал лютые «общ» в глазах рядового советского обывателя.

И, наконец, волна вербальной вестернизации конца XX — начала XXI века активным внедрением «социокоммуникативных» концептов довершила процесс.

ПЕЧАЛЬ

Словари синонимов русского языка дают множество «переводов» слова *печаль*. Это *тоска, горе, грусть, скорбь, горесть, уныние, хандра, депрессия, сплин, меланхолия, ипохондрия, подавленность* и т. п.

И все же языковое чутье упрямо подсказывает и даже настаивает, что в *печали* есть что-то, если можно так выразиться, благородное, возвышенное, чистое. Мы с вами понимаем, что синонимы — слова, близкие по значению, но не совпадающие. Не случайно среди синонимов *печали* есть еще и такие слова, как *печалование, кручина*. Все-таки согласимся: *депрессия* и *печалование* далеко не одно и то же. Ведь сказал же великий поэт А. С. Пушкин: «печаль моя светла...» А другой писатель, С. Н. Сергеев-Ценский, назвал свою проникновенную лирическую книгу «Печаль полей».

Вряд ли возможны «лирические словосочетания» *светлая хандра* или *подавленность полей*.

В русском слове *печаль* есть что-то от японского понятия *саби* — основы японской поэзии, которое мы можем перевести примерно как «сладкая память о бренности бытия». Человек идет по осеннему лесу. Видит «природы увяданье». Ему печально, но печаль эта отчего-то приятная, возвышающая, облагораживающая душу. Ведь именно осень была любимым временем года у А. С. Пушкина. В его жизни была знаменитая Болдинская осень. А не зима, весна или лето.

Да, *печаль*, несмотря на всякие *печальные результаты* и *печальные обстоятельства*, все-таки — глубоко поэтическое слово. Но в современном русском языке это слово имеет и еще одно значение: забота (*это не твоя печаль!*).

К сожалению, это значение сейчас стало периферийным, второстепенным. На самом деле оно очень важно. Оно — ключ к пониманию истинного, глубинного значения слова.

Печаль имеет тот же корень, что и *печься, опека, попечение*. *Пéча* по-русски — забота, радение, рвение, заступничество, хлопоты, усердное участие. *Попечалуйся* — значило прими близко к сердцу, позаботься. *Печальник, печальщик* — попечитель, заступник, благодетель, оборонитель, покровитель. Так называли в быту родителей — отца и мать, которые заботятся о детях. Так называли монахов, которые молятся за спасение всех людей. Человека, который активно неравнодушен к судьбе других, называли *печным, печливым, печалливым*.

То есть *печаль* — это не пассивная *депрессия* (то есть подавленность, угнетенность), а активное *сочувствие* и *содействие*.

Ведь и осенняя «высокая печаль» А. С. Пушкина — это активное поэтическое участие в жизни, судьбе природы и всех людей, «лирическое печалование» за мир.

Кстати, совсем, казалось бы, бытовое и сниженное слово *печь* (приготавливать пищу путем прогрева) — тоже «родственник» *печали*. И правильно: *печь* — значит делать, причем с помощью активнейшей стихии — стихии огня.

У того же А. С. Пушкина в «Пророке» читаем хрестоматийное: «глаголом жги сердца людей». Если бы мы стали переводить эти знаменитые напутственные слова «шестикрылого серафима» поэту на разные индоевропейские языки, в том числе и древние, то во многих из них оно звучало бы именно как «пеки, выпекай словом людские сердца», исполняй их «пеклом, печалью».

Печаль — это и «горение сердца», и «поджигание жаром своего сердца других сердец». И тут нет никакого надуманного пафоса.

Современная жизнь подчас груба и цинична. Из *печали* современный сленг сделал *печальку*, то есть неприятность («у меня лютая печалька: меня лишили премии»).

Но мы должны помнить, что любой настоящий человек, серьезная творческая личность (а уж гений — особенно) обязательно наделен *даром подлинной печали*. Он хочет помочь миру, сделать мир лучше. Он — печальник. Даже если он снимает «смешные» фильмы или пишет «смешные» романы — в них обязательно есть подлинная глубина печали. Именно она делает эти фильмы и романы «настоящими», классическими, надолго востребованными.

А если нет — вся жизнь человека становится чередой пустых «печалек» и депрессий.

ПЛОТЬ см. ТЕЛО и ПЛОТЬ

ПОДЛОСТЬ

«Подлый» — значит низкий (в нравственном отношении), бесчестный, гнусный, «грязный».

Это слово появилось в русском языке относительно поздно, не раньше XVII века. И его история — яркий пример «неисповедимых путей» семантики языка.

Скорее всего, оно появилось как некое «классовое оскорбление», даже, пожалуй, — «национально-классовое». Первоначально преимущественно польская шляхта «подлыми» называла восточнославянских крестьян. «Подлый» — это не прямое польское заимствование, но в польском оно появилось раньше, чем в русском. В дальнейшем «подлыми» стали называть низкие сословия, простой народ.

С одной стороны, это было, так сказать, чванливое «западническое» по духу дворянское ругательство. Синоним «хама», «мужика», «лапотника».

С другой, поскольку слово «подлый» имеет прозрачную внутреннюю форму и абсолютно прозрачный, незамутненный этимон «под», оно было «обречено» на стремительное семантическое расширение.

«Под» — это то, что «внизу» в самом широком смысле, в том числе и в ценностном (аксиологическом) и нравственном (этическом).

Поэтому социально-классовая составляющая быстро отошла на второй план и была практически забыта, и этот корень стал очень сильным нравственно-оценочным маркером.

Причем распространен он был и в народных говорах, и в речи дворянства, и в жаргоне чиновников. Где, кстати, произошла очень интересная вещь: слово

«подлый» произвольно «породнилось» с «подличать», «подличанье», которое происходит не от «подлый», а от «лицо». «Подличать» — значит «приспособляться под лицо». Если корень «ложноэтимологически притягивает» к себе другие слова, это значит, что корень этот сильный, продуктивный, «энергоемкий».

Но в дальнейшем, уже в наше время, произошло некое стилистическое раздвоение корня. В современном массовом языковом сознании, преимущественно молодежном, слова «подлый», «подлость», «подлец» и «подличать» — слишком «высокие». Отреагировать на чьи-либо, так сказать, нелицеприятные действия словами «это подло», или «вы подличаете», или «вы подлец» — слишком мягко, слишком «интеллигентно», недействительно. Это не «полновесное» оскорбление.

Зато пышным цветом расцвели «подлянки», «подляжки» и «подлюки», которые, опять же, ложноэтимологически притянули к себе «падлу», «падаль» и проч. Или наоборот — были притянуты, что не так существенно.

Со словом «подлость» произошло то, что отражает существенную тенденцию современного языка. «Подлость» («подлый», «подличать») как бы «зависла» между зоной агрессивных, сниженных, «разнузданных» инвектив и зоной, если можно так выразиться, «структурных», социально значимых инвектив, которые особенно актуальны для сферы права.

Условно говоря, между «антисемит» и «гнида», между «взяточник» и «тетеха».

Таких хороших, семантически ясных русских нравственно-оценочных слов, которые остались «не у дел», много. Например, фраза Шарапова из фильма «Место встречи изменить нельзя» «Мы, работники МУРа, не имеем права шельмовать» у современного подростка вызывает снисходительно-пренебрежительную улыбку. «Шельмовать» — это семантически «отстойно». То ли дело «хитрожопить». Так же, как все в том же фильме Фокс улыбается на слово «пожурил». Из языка уходит «золотая середина», здравый смысл, точка отсчета, чувство меры. Нормы, наконец. Это — глобальная тенденция, охватывающая все сферы речи — от фонетики и интонации до синтаксиса.

Способ реанимации таких слов, на наш взгляд, один. Это, так сказать, иронично-образная игра с ними. Словообразовательная, образно-контекстуальная игра. Игра — без «заныкивания» в откровенную сниженно-бранную сферу. И в то же время — развивающая чувство языка. К примеру, уменьшительно-ласкательная суффиксация, каламбуры и т. п. «Подлохвостик». «Подлократия». «Заподлоподозритель в неподобающих поступках». Казалось бы, парадокс, но истинное чувство нормы воспитывается именно через творческую игру.

И все это особенно значимо при работе с еще «лингвистически не упущенными» детьми.

ПРАВДА

Слово индоевропейское, общеславянское. Этимология прозрачна и ясна. Онтологически концепт «правда» (от «право») по своему семантическому статусу в русском языковом сознании, по позиции в иерархии ценностей близок к концепту «совесть». Не случайно они часто контекстуально соседствуют в русских сакральных текстах, включая и «условно сакральные» тексты русской классики. Пожалуй, сюда следует добавить и слово «добро». Может быть, «нравственность». В целом, кстати, можно говорить, воспользовавшись расхожей лингвистической терминологией, о неких парадигматических и синтагматических смысловых лучах. Пара-

дигматический луч — луч «вертикальный», диахронический, историко-этимологический (или нарочито ложноэтимологический: см., например, «совесть-совет»). Синтагматический луч — контекстуальный, синхронический. Слова-концентры «тянутся» друг к другу, чисто статистически — частотно попадая в совместный «малый контекст» (толстовское «добро, простота и правда», шукшинское «нравственность есть правда» и т. п.).

Нечто похожее лингвисты называют «ассоциативно вербальной сетью». В сущности, речь идет о психосемантическом интернете.

Этимологическая и смысловая связка «правда» — «право» с огромным словообразовательным гнездом (от «правдоискателя» и «праведника» до «правовых политических сил» и «правозащитника») — одна из напряженнейших семантических зон в современном, в том числе и политическом, дискурсе. Вместе с тем многие, если не все «поддоны» в ней, можно сказать, слишком «заболтаны» и на глазах утрачивают свою энергию.

Политическая оппозиция «правый — левый», судя по всему, во многом — архаизм. Например, партия «Правое дело» использует слово «правый» в качестве каламбура, основанного на многозначности слова «правый», и как прецедентный текст («Наше дело правое, враг будет разбит» и т. д.). Прецедентный каламбур — типичный рефлекс пост(пост)модернистского дискурса. Это — вчерашний день политической номинации.

Семантика «права» как юридико-политическая «опция» слишком активно эксплуатируется как официальной властью, так и радикальной оппозицией. Обсуждение «прав граждан» и «прав человека» все больше смещается из политики («права избирателя») в чисто юридическую (финансово-юридическую) зону и превращается в «права потребителей», «права собственников» и проч. Слово «право» стремительно юридизируется в языковом сознании. Политически, идеологически вроде бы более или менее «насыщенно» звучит слово «свобода», но оно долгое время было занято диссидентским и другими радикальными дискурсами (радиостанция «Свобода»). Получается, что «право» — слишком прагматично, «ползуче», «свобода» — слишком пафосно, «романтично» и не имеет отношения к реальности. К тому же слово «свобода» активно берется на вооружение бизнес-дискурсом. «Деньги — чеканная свобода». Слово «свобода» в обывательском сознании все больше ассоциируется с личным автомобилем.

Слово «правда» также одно из частотнейших в современных СМИ. Его исконная семантика близка к семантике слов «истина», то есть это, по сути, «высшее знание» (ср. «вед», «совесть»). Вместе с тем это и осуществление, реализация Истины, то есть Справедливость («жить не по лжи»). В том же контексте звучит и «Русская правда», то есть и как Высшая Истина, и как ее воплощение в государственном праве. На этом отлично сыграли (без национального маркера) коммунисты со своей газетой «Правда».

Современные речевые контексты смещают семантику слова «правда» в локальную зону, в одно из значений этого слова (см. любой толковый словарь). «Правда» — это достоверная информация, и не более того, вернее — единственная достоверная информация, которую «знаем только мы». В этом смысле любое средство СМИ уподобляет себя некоему эзотерико-конспирологическому эксперту. И получается, что «у каждого своя правда». Информационный Вавилон.

Судьба слова «правда» («право») в современном языке еще раз отчетливо показывает, что главная тенденция дискурса информационного общества — размывание сакральной семантики слов, «забалтывание», «выветривание» и как результат — лишение того энергетического потенциала, который мог бы быть использован в поли-

тико-идеологических целях. Размывается как ключевая, стержневая семантика, так и ассоциативно-локальная.

К примеру, «правда» в русском языковом сознании, как известно, устойчиво соотносится с «прямой». В фольклоре очень частотна оппозиция «правда — кривда» (соответственно, «ложь изворотлива», уподобляется змее и т. д.). «Правда» — это еще и «простота», «ложь» — сложна, заузна, многословна, меняет маски (отсюда противопоставление «лика» «личине»). Современный же дискурс всячески «опускает» простоту и прямизну. Простой и прямой правдолюбец — безусловно, если и не отрицательный персонаж, то тот, кто явно не выживет, «не жилец».

Вероятно, концепт «правда» со всеми его производными должен быть окончательно дискредитирован современным языковым сознанием и «забыт», чтобы реинкарнироваться через определенное время. И, судя по всему, решающую роль в этом сыграет поколенческий фактор.

РАДОСТЬ

Это слово (корень «рад», отсюда — древнерусское «радый») очень активно обсуждается «народными этимологами». Возводят его чуть ли не от «Ра» (бог, в том числе египетский Ра).

Академическая этимология более аккуратна и сдержанна в выводах о происхождении корня. Считается, что он исконно почти не имеет связей с другими, казалось бы, сходными индоевропейскими корнями, является «очень славянским» и аналогов у него в других языковых группах почти нет.

Вместе с тем связь с такими понятиями, как «радеть», «ради», «рада», как-то сама напрашивается. Пусть даже строго этимологически они «чужие», но в народном языковом сознании ассоциативная связь между ними не могла не возникнуть.

А если так, то слово «радость» в значении «веселое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения», а также «тот, кто вызывает это чувство», «радостное счастливое обстоятельство» (С. Ожегов), — лишь, так сказать, «вершина семантического айсберга», внешнее проявление целого пучка глубинных смыслов.

Индоевропейские «re, ro, ra (dh)» совмещало в себе идеи удачи, свершения, совершенствования, исправления, порядка, совета, речи, размышления, преуспевания, расположения в свою пользу и др.

То есть, по сути, весь спектр положительных причин радости, вернее — всего того, что радость призвана сопровождать.

Радость выступает как «активно-центробежная» сила (что сохранилось в грамматических управлениях: «радость чего, за кого», «радоваться за кого, кому», «рад за кого, кому» и т. п.). Радость направлена вовне, она альтруистична, коллективна. Ср. славянский праздник Радуницы или Верховная Рада как государственный совет. «Рада» — в сущности, синоним «Совета». «Совесть» и «радость» (ср. «радушье» — от «рад» + «душа») — онтологические близнецы. Не случайно и слова «радость» и «ради» имеют тот же «альтруистический вектор» — «за кого, за что».

Корень «рад» активно освоен всеми сферами русского языка и культуры: от церковной до фольклорно-«низовой» (от «Богородице Дево, радуйся» до «радости полные штаны»).

Этот корень дал мощное словообразовательное гнездо и идиоматику. Он практически никак не пострадал от советских и постсоветских семантических aberrаций и представляет собой совершенно здоровую культурно-языковую единицу с огромным мифоидеологическим потенциалом.

РОДИНА

Слово «родина», с одной стороны, очень древнее, а с другой — словно бы обновившееся, «помолодевшее» около двухсот лет назад. И за последние два столетия с ним произошло много интереснейших «лингвистических приключений».

У славян это слово существует испокон веков. Был такой древний-древний славянский бог — Род, прародитель людей и вообще всего мира. Что-то вроде Брахмы у индусов. О Роде мы читаем в текстах XI—XII веков. Но он явно на несколько веков древнее. Люди, которых он породил, — это, собственно, *народ*. А земля, на которой живет народ, — *родина*.

Конечно, наши предки понимали связку *Род-народ-родина* более узко, чем мы сейчас.

Род — это твой «конкретный» прародитель, «народ» — это твои родственники, родня, а родина — место, где ты живешь. Конечно же, лучшее, плодороднейшее и благодатнейшее место в мире. Иначе и не может быть! Не случайно в других славянских языках «*ро́дина*», или «*родина́*», — это и «семья», и «богатый урожай».

То есть родина — это свое, уютное, родное, «изобильное» место-пространство. Земной рай. Охраняемый добрым богом Родом. Кстати «род» в русских диалектах — это еще и домовый, дух дома. А уж если у тебя на теле есть к тому же совсем-совсем «маленькая родина», родовая отметина, отметина для бога Рода — *родинка*, быть тебе везучим, удачливым и счастливым.

С таким пониманием, вернее — чувством родины наши предки жили долгие столетия, почти 1000 лет!

Считается, что впервые слово «родина» в значении родная страна, то есть Большая Родина, Россия, употребил Державин, как раз тогда, когда Россия становится мощной мировой державой. Все логично. У Пушкина, например, родина — все еще место, где ты родился, а родная страна — Отчизна, Отечество. Но уже у Жуковского, Некрасова и других поэтов и писателей XIX века встречаются оба значения.

В XX веке «частное» («личное») и «государственное», («гражданское») значения сосуществовали и даже отчасти конкурировали. С одной стороны, в СССР все пели песню «Мой адрес не дом и не улица. Мой адрес — Советский Союз», а с другой — в обиход прочно вошло словосочетание «малая родина», которое часто противопоставлялось официальному, идеологизированному словоупотреблению («наша советская Родина»). Остро встал (да и сейчас стоит) вопрос о том, с какой буквы писать это слово — с прописной или строчной. А действительно — с какой? Твердого правила здесь так и нет. Есть рекомендации...

«Родина» приобретает огромное число ассоциаций, сопутствующих оттенков смысла. Например, в известной песне М. Матусовского «С чего начинается Родина?» слово несет отчетливый временной смысл, обрастает широким спектром бытовых и эмоциональных аллюзий («букварь», «двор», «товарищи», «песня матери» и т. д.).

Появились и «протестные», отрицательные и, надо сказать, довольно странные словоупотребления: «родина там, где лучше платят», «поменять родину», «новая родина» и др., которые, если задуматься, лингвистически абсурдны. Люди не рождаются два раза.

Все это объяснимо. XX столетие было очень трагичным для России веком, веком трех волн эмиграции. Возникло множество сниженных и даже циничных интерпретаций слова. Настолько много, что короткое «Я родину люблю» из «Брата-2»

или слова из песни «ДДТ» «Родина! Пусть кричат уродина. А она нам нравится...» становятся для своего времени почти смелым открытием. Хотя это, в сущности, совершенно нормальные, здравые слова.

Сейчас слово «Родина-родина» постепенно «выздоровливает», возвращается к своему «диалектически равновесному» состоянию. Ведь «большой» Родины без «малой» не существует. И наоборот.

СВОБОДА

Современная семантика русского слова «свобода» в целом онтологически противоположна его исконной семантике, индоевропейскому и общеславянскому этимону. Контаминировавшись с латинским «liber» (преимущественно через французский язык), слово «свобода» тотально социологизировалось и политизировалось и стало обозначать в первую очередь отсутствие каких-либо общественно-политических стеснений, ограничений и т. п. (свобода слова, печати, личности, женщины и даже «популярам»). В этом смысле концепт «свобода» стал своего рода инструментом «войны» индивида (или группы индивидов) с обществом за свои «права». И пресуппозиция в любом контексте употребления этого корня такова: общество и мир в целом враждебен индивиду. «Свобода» толкуется в словарях и как свобода субъекта постигать объективную реальность, и как «вообще — отсутствие каких-нибудь ограничений, стеснений» (С. Ожегов), и как результат — «состояние того, кто не находится в заключении, в неволе» (он же).

«Свобода» — «инструмент», которым микрокосм преодолевает враждебный ему макрокосм. Как сверхзадача — инструмент превращения Хаоса в Космос, прежде всего — «социохаоса» в «социокосмос», способ регуляции мира (пути постоянной борьбы с ним).

Исходный же индоевропейский этимон объединял идею личности (отсюда русское — «особый», «особь», «свой») и коллектива. Свободный — значит «общеличный», принадлежащий к общности и именно поэтому — «свободный». Элементы «собь» и «свобь» — родственны. Индивид — «собственность» рода, он «свой» и, значит, «свободный». А без рода его просто нет, то есть «не жить в обществе» и «быть свободным от общества» нельзя, а «быть свободным» — значит «жить в обществе». Быть свободным — значит быть своим. «Особь» может быть «свободна», быть «особой», только когда она «своя» среди таких же «особых».

Данный корень четко срabатывает, например, в индийском менталитете: «сабха» (родственное нашему слову «свобода») — это общество, собрание, а «сва», «свака» — свой. Германские языки «заморозили» развитие этого корня, и его рефлексы видны лишь в древних этнонимах и топонимах (скажем, «швабы» — это значит «принадлежащие к своему народу»).

«Свобода» в русском языке — одно из самых «общинно-личностных» слов, значительно искаженных семантико-космополитическим фоном XVIII–XX веков. Диалектика личного и общего, заложенная исконно в этот корень, подменена антиличностью, противопоставленностью, конфликтом. Возможно, дело не только во влиянии на этот корень «либерастического» корня «liber». Можно предположить и то, что деструктивность была заложена в нем исконно. И, говоря максимально жестко, корень этот был «обречен». По мнению некоторых этимологов, индоевропейский корень «se» является неким протоконцептом отрицания (просто говоря, некой сакральной отрицательной частицей), связанной с глубинной идеей табуирова-

ния. А любая десакрализация табу неминуемо приводит к тому, что корень теряет всякую энергию и становится чем-то вроде бытовой брани, словом-пустышкой.

Употребляя слово «свобода», современный рядовой носитель языка, по сути дела, сам того не желая, произносит совсем другое слово (примерно так: «либерда»), некое бранное заболтанное деконструктивное клише.

Исконный же этимон находится в состоянии анабиоза (индусы называют такое состояние «пралайей») и в ближайшее время не способен взять на себя функцию конструктивной идеологемы. Что не исключает его реанимации в будущем.

СВЯТОЙ

Корень «свят» — один из древнейших индоевропейских корней, разумеется, соотносящийся с идеей «света».

Объединенные общим этимоном, концепты-«близнецы» (но не антиподы!) «свет» и «свят» в истории русского языка словно бы распределили обязанности между собой и на протяжении столетий «тянули семантическую лямку» служения идее «освещения мира», что, в сущности, одно и то же.

Графически это распределение семантических обязанностей шло через распределение функций букв «ять» и «я». За «ять» стоял «е», а за «я» — носовой «е», так называемый юс малый.

В конечном счете корень «свят» в русской культуре занял место «религиозного», а «свет» — «светского».

Это — довольно редкий пример гармоничного распределения обязанностей между смежными ассоциативно-симпатически и этимологически близкими корнями. Кроме того: можно говорить о мощном концептуальном поле, куда включены и такие понятия, как «совет», «свет» (см. соответствующие статьи).

В российской истории мы находим множество показательных случаев, когда в какой-то исторический судьбоносный момент происходит вдруг «резкое» востребование сакрального корня. В истории России XX века — это парадоксальный прецедент востребования корня «свят» во время революции («на бой кровавый, святой и правый...») и Великой Отечественной войны («идет война народная, священная война...»).

Обширнейшее словообразовательное гнездо («святоотеческий», «святец», «святки», «святыня», «священнодействие» и др.) и, соответственно, идиоматика («святая святых», «свято место пусто не бывает», «хоть святых выноси» и проч.) являются теми «семантическими закромами», тем неприкасаемым запасом, который, на мой взгляд, необходимо использовать крайне осторожно, «точно».

Самой большой ошибкой было бы в наши дни активное, массированное внедрение соответствующих языковых единиц в идеологический дискурс русской доктрины.

Существует четкая закономерность: частотность употребления слова обратно пропорциональна его идеолого-семантическому эффекту. Иначе говоря, чем чаще употребляется слово, тем быстрее «выветривается» его выразительность. Частотный концепт неизбежно маргинализируется. Особенно если этот концепт стилистически «высок».

В этом смысле современный пафосный экстремистски-националистический дискурс, а также тот язык, на котором Русская православная церковь последние годы «говорит с народом» (церковная пропаганда), — это лучший способ «загнать» себя в угол, путь «самомаргинализации».

Те, кто и так духовно и ментально находятся в зоне данного концепта, никак не нуждаются в том, чтобы их убеждали. Потенциальные же адепты, даже те, кто вполне нейтрален и лоялен к русской доктрине, в большинстве своем отторгают столь «густую» стилистику.

Выражаясь языком риторики, тут должен быть задействован не столько «пафос» (эмоция), сколько «логос» (логика, разум) и «этос» (апелляция к традиции).

Концептуальное поле корня «свят» — поле заведомо высокого стиля. Высокий стиль бывает всенародно востребован только в краткие критические периоды истории.

Корень «свят» в речи русских революционеров эксплуатировался «на все сто» в течение конца 10-х — начала 20-х годов XX века. И концепт этот, надо признать, социально срезонировал блестяще. Так же удачно он срезонировал во время Великой Отечественной войны.

В настоящее время этот потенциал необходимо «придержать», используя при необходимости отдельные лексемы не прямо, а, если можно так выразиться, «от противного». К примеру, слово «святотатство» как отрицательно-оценочная номинация может активно использоваться для оценки любых действий идеологических противников России (что, кстати сказать, и соответствует истине). Образно говоря, не надо на каждом углу кричать о «Святой Руси», но необходимо упорно повторять в любом светском дискурсе, что и бомбежка Ливии, и установление памятника евро, и избрание гомосексуалиста мэром какого-нибудь города в США есть не что иное, как самое настоящее «святотатство». Это делать можно и необходимо.

СЕМЬЯ

Существует такая популярная каламбурная «расшифровка» слова *семья*: *семь «я»*. Имеется в виду, что семья должна быть большая: мама, папа и (как минимум!) пятеро детей. Бабушка и дедушка — само собой.

Все знают, что в развитых странах и в нашей с вами России (то ли развитой, то ли еще пока развивающейся — неясно) — демографический кризис, низкая рождаемость. *Семь «я»* в наши дни — огромная редкость. Дай бог — четыре «я», то есть двое детей. Это уже хорошо.

Проблемы заключаются и не только в низкой рождаемости, но и в том, что сам традиционный институт семьи сейчас переживает период острейшего кризиса. Резко возросло, например, число разводов. Распадается почти половина браков! В результате, даже если бывшие супруги и родили ребенка, семья нередко превращается в два «я»: к примеру, одинокая мама и сын.

Все это очень-очень печально.

А между тем само слово *семья* — в высшей степени, как сейчас часто говорят, применительно к экономике, «антикризисное». В его этимологии, значении, употреблении в речи заложена очень здоровая, мудрая и крепкая сердцевина, основа, суть.

Это очень древний корень, звучавший тысячелетия назад примерно как *кей* (плюс суффикс *м*). И попавший в десятки, даже сотни языков мира.

В этих языках он дал огромное количество огласовок и значений, которые, казалось бы, очень различны, но, если хорошенько вдуматься, глубоко и неразрывно связаны друг с другом. Помимо известных нам значений, которые имеет слово *семья* в современном русском языке (группа живущих вместе родственников; объединение людей-единомышленников; группа животных, растений), этот корень может в разных языках — от индийского до ирландского — обозначать: дом, очаг, село, де-

ревня, родина, вселенная, мир, муж, жена, сосед, гражданин, находиться, лежать, зависеть, дорогой, любезный, приветствовать, укладывать спать, диван, отдых и др.

Трудно поверить, но, скажем, английское слово *home* (дом) родственно русскому слову *семья*. Равно как и пришедшее к нам из латыни слово *цивилизованный* (то есть гражданский, городской). И даже наше полужаргонно-просторечное *кемарить* в значении дремать, спать, которое пришло к нам из греческого, тоже непосредственно связано с *семьей*.

Если бы все языки мира были одним языком, то мы могли бы на этом общемировом «семейном языке» сказать: *моя семья — Россия, в моей семье три комнаты, давайте разведем огонь и погреемся у моей семьи, в нашей семье много систем, подобных Солнечной, сейчас я семеюсь на даче, ты семеишь от меня финансово, давай-ка семейся, баю-бай, муж лежал на семье и смотрел футбол*.

Мало того: есть версия, что в самом русском языке слово «семья» происходит от старославянского корня *семь*, что значит личность, персона, «я», и является собирательным, примерно как *братия* (от брат). То есть получается, что по своему древнему происхождению, по этимологии *семья* — это и есть словно бы *семь* «я». Иначе говоря, несколько «я», объединенных в собирательное целое. Причем сама собирательность подразумевает, что этих «я» должно быть как можно больше. «Я» в этом слове словно бы собирают мир вокруг себя. Очень демографически и политически правильное слово!

Выходит, *семья* — это не только близкие, соседи, мир и т. д., но и мое личное, одиночное, неповторимое, индивидуальное «я», отраженное во множестве, в многомерности, в мире. И — соответственно — мир, отраженный в моем «я».

Это и я в мире, и мир во мне.

Получается, что *семья* — в общем-то, все — от дивана до вселенной, от меня до всех.

Поэтому когда мы говорим *моя семья*, мы не только называем близких нам людей, но и произносим настоящее магическое заклинание, некую мантру нашего единения с миром.

И если у вас есть реальная семья, а значит, возможность и необходимость произносить это словосочетание — вы настоящий маг и волшебник, вы можете воздействовать на мир вокруг себя, и этот мир — ваш.

А чем больше ваша *семь* «я» — тем чаще вы будете о ней говорить. А чем чаще повторять это словосочетание — тем действеннее будет эта «мантра семьи и мира». Диалектика. И чем больше людей будут повторять эту мантру, тем лучше будет мир.

И — никаких демографических кризисов.

СМЕРТЬ

Может показаться очень странным, но это древнейшее слово содержит в себе не только отрицательное значение (все-таки смерть — это «плохо», в отличие от жизни), но и оттенок положительного значения.

Корень этот очень древний. Он был еще у древних индусов, может быть, три, может быть, даже четыре тысячи лет назад. И первоначально «смерть» значило «хорошая (благая, достойная, удачная) смерть».

Дело в том, что приставка «с-» (у древних индусов «su-») несла с собой сугубо позитивный смысл. А потом это самое «с-» срослось со значением «свой».

В общем, «умереть своей смертью» — это не так уж и плохо. Лучше, чем погибнуть. Кстати, слово «гибнуть» исконно обозначало «согнуться». То есть «погибнуть» — значит буквально «загнуться», перестать быть прямым.

Не случайно во время татаро-монгольского нашествия на Руси появились такие памятники, как «Плач о погибели земли Русской» и т. п. О «погибели», а не о «смерти».

В корне мр-мир-мер-мор-мер (умру-умирать-(у)мереть-мор-мертвый) никакого насильственного «загибания» нет. Просто ты — смертный (по-древнеиндийски — «margas») и, значит, рано или поздно умрешь. Ничего страшного. Обычное, закономерное прекращение жизни. Ты ведь не Кощей Бессмертный.

В русском языке слово «смерть» и однокоренные слова нередко становятся «участниками» всевозможных подчас даже шуточных (уж никак не страшных, угрожающих, безнадежных) «смысловых игр». У русских вообще какое-то на первый взгляд несерьезное отношение к смерти. Возьмите хотя бы разговорно-жаргонные метафоры смерти, умирая: «склеить ласты», «откинуть копыта», «коньки отбросить», «надуть кеды»...

Образ «смешной смерти» распространен в языках и культурах многих народов мира, но, кажется, в русском сознании он играет особую роль.

В русских говорах встречаются такие «милые» слова, как «смертушка», «смердушка», «смертынька», «смерточка». Русские словно бы не боятся смерти: «Двум смертям не бывать, а одной не миновать», «Смерть русскому солдату свой брат» и «Всяк умрет, как смерть придет» и т. п.

Мы говорим: «мертвецки пьян», «спит мертвым сном», «его только за смертью посылать». А как интерпретировать, к примеру, такую дразнилку: «Хитрый Митрий — помер, а глядит»?

И загадки у нас еще те... Например, что такое «живой мертвого бьет, мертвый благим матом орет»? Не отгадали? Колокол.

«Смерть» в русском языке, как известно, не только существительное, оно может играть роль сказуемого и наречия и при этом легко сочетается с самыми разными бытовыми, повседневными смыслами («смерть как есть хочется», «смерть наработался»). У Н. С. Лескова читаем: «Ему самому было смерть смешно». Или у В. Высоцкого: «Ой, Вань, умру от акробатиков...» Не правда ли, причудливое сочетание смеха и смерти.

«Безногая» старуха с косою в русских сказках часто остается в дураках. Она забирет жизни трусливых, глупых (как у В. М. Шукшина: «Смерть губошлепа любит»), а добрые и — значит — сильные побеждают смерть.

Образ смерти в русском языке отчетливо проявляет национальный характер.

С одной стороны, конечно, есть в ней что-то щемяще-трагическое. И поэтому мы поем:

Вот умру я, умру,
Похоронят меня.
И никто не узнает,
Где могилка моя.

А с другой:

И пить будем, и гулять будем,
А смерть придет — помирать будем.

Что это — пустое легкомыслие или глубокая мудрость?
Решайте сами.

СМЕХ

Человеческий смех — одно из самых загадочных явлений.

Почему человек смеется? Зачем? Умеют ли смеяться другие живые существа? (Известна, например, такая древняя формулировка: «Человек — это умеющее смеяться животное».) Какова природа смеха? Смех — это в конечном счете «хорошо» или «плохо» («греховно»)? Какие бывают виды смеха?

О смехе и о так называемой смеховой культуре писали известнейшие ученые-физиологи, психологи, философы, лингвисты, филологи, культурологи. Существуют десятки теорий смеха. Одни видят в нем «физиологическую разрядку», другие — проявление языческо-карнавальной культуры человека... Мнений множество.

Замечены вещи, казалось бы, парадоксальные. Например: когда человек смеется и когда человеку страшно, у него практически одинаковое выражение лица. Получается, что смех и страх — две стороны одной медали. Популярна даже такая философская тема: смех и смерть. Смех — словно бы компенсация страха смерти...

Философия, физиология, психология, культурология — это, конечно, очень хорошо. Но все же очень важно лингвистическое исследование этого слова в разных языках, в том числе и русском.

Этому индоевропейскому корню несколько тысяч лет. «Mei» — значит «смеяться», «улыбаться». Возможно, этот корень был связан и с другими смыслами: «цвести», «мерить» и даже «охотиться». В славянских языках слово «смех» (и это символическое совпадение!) оформилось по той же модели, что и слово «грех». И теперь они и их производные обильно рифмуются: «и смех и грех», «что грешно, то и смешно», «смеяться, право, не грешно над тем, что кажется смешно» и т. п.

Понятно, что в христианскую эпоху смех рассматривался как наследие «языческих игрищ». Есть такое греческое слово «агеласт». Так называется человек, не умеющий смеяться. Была в Древней Греции скала Агеласт, около которой, согласно мифу, Деметра оплакивала Персефону. Так вот некоторые богословы даже утверждают, что Иисус был агеластом.

Так или иначе, смех часто ассоциировался с грехом, с чем-то низким, даже животным. Не случайно грубо-просторечный синоним слова «смеяться» — «ржать» (как лошадь).

Наверное, впадать в полную агеластию не следует. Но совершенно очевидно, что наш язык всячески предупреждает нас: «смех» — очень тонкая материя. Он как двуликий Янус, как оборотень: может быть добрым и злым, чистым и грязным, честным и подлым.

Мы говорим: «насмешник», «насмешка», «насмехаться», «насмешничать» — и чувствуем, даже не справляясь в словаре, что в этих словах заключается некая отрицательная оценка. «Насмешка» — это где-то рядом с «издевкой».

Десятки фразеологизмов, пословиц и поговорок содержат в себе предупреждение, что смеяться, конечно, надо, но в меру, вовремя: «Бога не гневи, а черта не смей», «Смех без причины — признак дурачины», «Хорошо смеется тот, кто смеется последним» и т. п. Можно смеяться «до слез», «лопнуть со смеху» и даже «помирать со смеху». Вроде бы — гиперболы, и только. Но фигуры речи случайными не бывают. Про них можно сказать так же, как В. Маяковский сказал про звезды: «Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно».

Все эти «предупреждения» языка особенно актуальны в наше время, в информационную эпоху. СМИ, Интернет предлагают нам колоссальное количество «смехо-

вых опций». Смех предлагается нам в юмористических передачах, в блогах, во всевозможных развлекательных шоу, в сериалах. Создается впечатление, что почти все информационное пространство смеется, острит, хихикает, «подкальывает», «прикалывается», навязывая нам всяческую «ржачку». И этот смех, мягко говоря, далеко не всегда качественный. Наш язык очень быстро отреагировал на него фразеологизмом «Юмор (смех) ниже пояса». Опять же, как говорили еще 200 лет назад: «Что грешно, то и смешно» (ср. известный афоризм Д. Мережковского «Что пошло, то и пошло»).

В этой атмосфере тотальной «грешной смеховой пошлости» очень важно сохранить себя, не опошлиться самому, не потерять чувство вкуса и меры. Смех — величайшее достояние языка и культуры, важнейшая составляющая языковой личности. Смех, если это настоящий, умный, добрый, тонкий смех, — это «пир языка», «праздник смыслов». Примерно такой, каким показал нам его поэт Велимир Хлебников:

О рассмейтесь, смехачи...